

МЕТАФИЗИКА ПРОСТЫХ ВЕЩЕЙ

(простая вещь как место сборки мира и человека)

© С. А. Лишаев

Работа нацелена на выявление онтических и онтологических оснований тяги к простым вещам. Феномен простой вещи рассматривается через призму событийности простого; ставится вопрос об условиях, располагающих к актуализации «простого».

**Лишаев
Сергей Александрович**
доктор философских наук,
профессор
руководитель Центра
философских и эстетических
исследований
Самарская
гуманитарная академия

Ключевые слова: простые вещи, простое, сложное, свобода, именование, человек, Другое, событие, созерцание, дефрагментация, сборка.

Ладна вещь: чаша и стол, мост и плуг. Но по-своему тоже вещи – ель и пруд, клоч и холм. Вещи, каждый раз по-своему веществующие, – цапля и лось, конь и бык. Вещи, каждый раз своим способом веществующие, – зеркало и пряжка, книга и картина, корона и крест.
Хайдеггер М. Вещь

Ностальгия по простым вещам. Даже самый «простой человек» не прост, причем не прост изначально. Он находит себя среди вещей, он сознает, что и он сам, и вещи – есть, присутствуют. Подвешивая сущее в акте его признания-именования, он оказывается в ответе и за себя, и за окружающие его вещи, он понимает, «как оно есть», и не может не отвечать на требующее ответа «так есть». Отвечать – значит быть свободным. Свобода – нечто безусловно простое. Человек отвечает на «обращение» (на обращенные к нему) вещи потому, что в нем самом – на глубине – таится «что-то» безусловно простое. Только в свете простого можно открыть сложность сложного. Люди сложны именно потому, что просты. Сложен человек (тело, душа, дух), сложно (сложено из многих

частей) пространство, в котором сознают себя люди, сложны те вещи, которые их окружают.

Слово предполагает молчание, сложность – простоту. Любая вещь сложна и любая – проста. Имя дает (открывает) нам вещь, в имени она присутствует как «такая-то-вот»: как дерево, камень, колонна, башня. Называние – это вызывание (вызывание вещей). Человек о вещах вещает, он их ведает¹. В Эдеме Адам давал имена животным; каждый ребенок начина-

¹ Слово «вещь» многозначно. По словарю Ожегова-Шведовой, вещь – это: «1. Отдельный предмет, изделие. Антикварная в. 2. То, что принадлежит к личному движимому имуществу. Сдать вещи в багаж. 3. О произведении науки, искусства. Удачная в. Слабая в. 4. Нечто, обстоятельство, явление. Произошла непонятная в. Прекрасная в. – молодость! Называть вещи своими именами (говорить прямо, не скрывая истины) (Ожегов С. И., Шведова И. Ю. Толковый словарь // Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия, 2003). В Историко-этимологическом словаре П. Я. Черных вещь толкуется как «отдельный неодушевленный предмет»; «всякий предмет (объект) чувственного восприятия» (Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 148). По Далю, вещь есть «нечто, предмет, отдельная единица, всякая неодушевленная особь; в обширном смысле, все, что доступно чувствам // Пожитки, движимое имущество. /.../ Менее правильно: дело, поступок, случай, происшествие» (Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского словаря: в 4 т. Т. 1. С. 189). В широчайшем значении вещь означает «нечто», нечто сущее. Получается, что вещью можно назвать не только изделия человеческих рук и неодушевленные предметы, но также и живые существа, воздух, огонь, воду, дождь, идею, представление, фантазийный, фантастический образ, обстоятельство, явление, etc. Такой редкостный разброс значений слова «вещь» (от «домашних предметов», «пожитков», «скарба» до прошедшего («какая удивительная это вещь – история наших дедов и прадедов!»), «поступка», «происшествия») во многом можно объяснить его этимологией. Этимологически вещь связана с общеславянским *věkъ*, которое родственно др.-инд. *vakti* – «говорит», «рассказывает», латинскому *vox* – «голос», «глас»; греческому *ἔπος* – «слово», «речь». (Черных, П. Я. Там же. С. 149). Очевидно, в далеком прошлом «вещью» было все названное, поименованное. Именованию же подлежат не только материальные предметы, но и идеальные, не только предметы, но и стихии, не только стихии, но и явления, процессы, допускающие объединение (по самым разным основаниям) в нечто целое. Этимология вещи дает путеводную нить также и для понимания того, почему в семантическом урочище вещи на первый план вышли неодушевленные предметы, а в повседневной речи – предметы домашнего обихода. Вероятно, так получилось потому, что в своей повседневной жизни люди чаще всего именовали предметы окружавшие их в быту, то есть одежду, утварь, орудия труда и т. д. В результате слово «вещь» (то же самое, что можно назвать, поименовать, то, «о чем говорят») стало означать чувственно воспринимаемые предметы, а ближайшим образом – движимое имущество, предметы бытового обихода, в частности – одежду. В результате мы имеем то, что имеем: слово «вещь» в устной и письменной русской речи чаще всего используется для именовании изделий ручного и промышленного производства, а также предметов, принадлежащих к природному миру. Материально-предметный дрейф семантического поля «вещи» можно объяснить также и воздействием на него слов, производных от «вещи». Еще в Древней Руси вместе со словом «вещь» использовались слова «вещество» и «вещественный». Их появление вполне объяснимо: если чаще всего именуемыми оказывались материальные предметы, то вполне естественным было использовать его для обозначения субстрата простран-

ет с того же: именуется окружающие его вещи. Отношения Адама к вещам были просты (прямы), но первородный грех осложнил их. Ностальгия по простым вещам – это тоска по простоте (прямоте, чистоте²) «крайской жизни», тоска о рае, который «утрачен».

Взгляд Адама на вещи был прост и прям. Отношение к вещам Адама далеко от прямоты и непосредственности. Но особенно отделились они от простого взгляда на вещи сегодня. За последние 100–150 лет их номенклатура возросла многократно³. Еще больше выросла их численность. Вещи атакуют нас повсюду: они вызывают к нам с рекламных баннеров, ими заполнены торговые центры, они теснят нас в собственных домах и квартирах. Но что это за вещи? Это не природные вещи, это продукты машинного производства и их изображения. Они все чаще опосредуют «контакты» людей друг с другом (мобильный телефон, компьютер) и взаимодействие человека с вещами (фотоаппарат, видеокамера, фотоснимок, кино, телевидение). Вещи экрана (экранные вещи-образы) теснят вещи «заэкранные», самобытные. Забирая посредствующее место между человеком и материальными предметами и стихиями, экранные образы пред-определяют их восприятие, не дают им и «слова сказать», грубо «затыкают вещи рот». Мы смотрим на вещи

ственно данных предметов. Соседство «вещества» с «вещью» и сегодня подталкивает всех говорящих по-русски к тому, чтобы относить слово к пространственно расположенному существу. Говоря в этом эссе о простых вещах, я не буду идти против сложившейся языковой практики. Под «вещью» в этой работе мной будет подразумеваться «всякий предмет (объект) чувственного восприятия».

² Слово «простой» встречается во многих славянских языках и имеет тот же и.-е. корень st-, который мы обнаруживаем (по П. Я. Черных) в таких словах, как «настоящий», «наст», «стать», «стоять», «истина» (нечто подлинное, настоящее), «истый» (тот же (самый), действительный), «простор». Причем «старшее значение, сохраняющееся в др.-рус. языке, также в современном польск. яз. – «прямо стоящий», «прямой», позже – «простой»» (Черных, П. Я. Указ. соч. Т. 2. С. 72). Заслуживает внимания и то обстоятельство, что в словенском языке *prost* имеет значение «свободный», а *prostost* – «свобода», что чешское *prosty* – это не только «несложный», но и «свободный от чего-либо» (Там же). Эти лингвистические данные позволяют концептуализировать простое более глубоко, чем в современных толковых словарях, сориентированных на ходовые в повседневной речи значения «простого» («незамысловатый», «элементарный», «однородный», «обыкновенный»). В глубине семантического поля простого «светятся» такие значения как «прямота», «подлинность», «чистота», «открытость», «свобода», «совершенное-ставшее», «первоначальное». Именно эти значения простого, отодвинутые в современной речи на периферию семантического поля простоты, мы выдвигаем на первый план. А такие его значения как «однозначность», «ординарность» рассматриваем как производные от «прямоты-свободы-изначальности».

³ Вещей становится год от года все больше и больше, но при этом многим из нас их по-прежнему не хватает. Нам недостает «новой» («хорошей») одежды, мебели, машины, квартиры.. Это может показаться странным, но только на первый взгляд: чтобы вещей было много, необходимо, чтобы их было мало. Нарастание производства и потребления вещей имеет своей предпосылкой их «нехватку», предполагает потребителя, который свято верит в то, что ему не хватает таких-то и таких-то предметов и что обладание ими принесет ему счастье. Обладание вещью как путь к счастью – это то, что не без успеха стремится внушить человеку реклама.

первичного мира не прямо, а через фильтры масс-медийных симулякров. Здесь не спасает даже ясное сознание присутствия в восприятии вещи «форматирующих» ее медийных фильтров.

Парадоксальным образом *обилие вещей, делающее нас «специалистами по вещам»* (то есть более или менее квалифицированными потребителями, «профессионалами потребления»), *ведет к отчуждению от них*. «Общественность в «один взгляд» не позволяет внимательно всмотреться в вещи, мимолетность касания скрывает их «лица», делает невозможным задушевный «разговор» с ними. Мы давно уже ничего (ничего особенного) от вещей не ждем, потому что наш интерес к ним ограничивается их «служебными обязанностями». Это значит, что мы отказываем вещам в самостоятельном бытии, в существовании помимо тех утилитарных и концептуальных «априори», с которыми мы к ним обращаемся. Причем наша «предвзятость» распространяется не только на вещи, изготовленные человеком для человека, но и на природные объекты. Рекламные ролики, телевизионные программы, глянцевого журналы туристических фирм и обслуживающие туристическую индустрию менеджеры и экскурсоводы озабочены тем, чтобы клиент, оказавшись в той или иной точке земного шара, увидел то, что ему положено видеть. Не меньше. Но и не больше. Люди должны получить то самое, что они видели «на картинке».

Нельзя не признать: *изобилие вещей утомляет, вызывает чувство раздражения, недовольства*. Когда мы ходим по супермаркету, торговому центру, вещевому рынку, то через какое-то время нам становится не по себе: душа не справляется с разнообразием и количеством того, что требуется воспринять, рассмотреть, оценить, выбрать... Приобретая вещь, человек становится ее собственником, пользователем, но сжиться с ней он не успевает. «Потребительские вещи» остаются холодными, «неприрученными». Мы воспринимаем их как расходные материалы нашей «жизнедеятельности»: они мои, но только формально, эмоционально же они чужды мне. Нам недостает вещей-собеседников, вещей-событий. Утратившему «простоту взгляда» человеку трудно смотреть на вещи прямо. Тяга к простым вещам возникает тогда, когда простота утрачивается, когда она становится чем-то редким, труднодоступным. «Что имеем – не храним, потерявши – плачем». Мы теряем (потеряли?) связь с вещами, чья самобытная реальность ускользает от нас. Запутавшись в паутине многоуровневых опосредований, мы приходим к осознанию своей заброшенности в симулятивное зазеркалье медиа и открываем для себя экзистенциальную *незаменимость простого* (прямого, настоящего). Но простота, «которую мы потеряли», состоит не только (и даже, может быть, не столько) в особенных качествах каких-то особенных вещей, сколько в способности человека взаимодействовать (общаться) с вещами просто, прямо, без посредников.

Метафизика простого. Какие же вещи можно назвать простыми? Концепт «простая вещь» только на первый взгляд кажется самопонятным. Стоит нам попытаться дать «простой вещи» определение, как обнаруживается, что таких определений может быть много и что простота ускользает от нас. Вот почему, прежде чем говорить о «простых вещах», следует определиться с пониманием «простого».

Слово «простой» означает «прямой», «прямо стоящий», «настоящий», «подлинный». Вещь проста тогда, когда мы воспринимаем ее как что-то самостоятельное, отдельное⁴, как предмет чувственного восприятия, как то, что имеет имя (то, что может быть наделено именем). Вещь – это то, что пространственно расположено и поименовано. В каком-то смысле любая вещь – проста, но ее простота остается от нас скрыта, потаенна. С самостоятельными вещами мы встречаемся редко, соприкасаясь с ними не «напрямую», а через «дело». Вещь, поскольку мы ее используем, не дана нам «просто» уже потому, что включена во множество связей и отношений. Она «вделана» в деятельность, она участвует в «символическом» обмене, она служит знаком социального (культурного) отличия (указывает на статус своего владельца). Такая целиком поглощенная деятельностью телеологией вещь – сложна, сложна не своей структурой, а в силу вовлеченности в сложноорганизованную деятельность. Любая вещь проста в момент, когда она, оставаясь сама собой (чашкой, ложкой, деревом, лошадью, озером), привлекает к себе внимание. Вещь, которая не воспринимается утилитарно, – это простая вещь (причем утилитарная вещь вполне может быть воспринята как простая). Простая – значит в данном случае не столько «обыденная», «повседневная», сколько «прямая», «настоящая». Никакая вещь (чувственно воспринимаемое нечто) сама по себе не проста (потому что делима, имеет части, меняется во времени, вовлечена во множество связей и отношений), если понимать простоту как однородность, элементарность, и в то же время – любая вещь проста (проста в том, благодаря чему она есть, присутствует⁵). Простой вещью будет та, что заслужила внимания сама по себе. Любовь к вещи означает одновременно и единение человека с ней (вещь «прорастает в человека», человек «прорастает в вещь»), и дистанцированность от нее (любовь предполагает не только притяжение к предмету любви, но и отделение любящего от того, что (кого) любишь). Вещь проста тогда, когда она, не утрачивая своей «чтойности» и «этости», оказывается местом обнаружения Иного (Другого), а Иное для нас – просто.

В простоте вещи – ее истина, любая вещь на глубине – проста. Но наш опыт взаимодействия с вещами показывает, что разные вещи в разной степени способны к тому, чтобы стать местом обнаружения Другого (того, что вносит в вещь неразложимую никаким анализом простоту). Другое как радикально иное вещам (как не-вещное, не-сущее) есть вместе с тем и радикально иное человеку («живой вещи»). Простое человека – это сверхчеловеческая простота, которая одна только и способна дать место сложно-

⁴ «Простой предмет – это такой, который можно в его сущности рассмотреть как отдельный. Он сам по себе: ни к чему не тянется, ни за что не цепляется. Можно сказать, что простой предмет повисает» (Шифрин, Б. О носящемся в воздухе и о воздухе просто // Международные чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 17-й. Творение-творчество-репродукция: исторический и экзистенциальный опыт. СПб., 2003. С. 227).

⁵ Эту мысль можно выразить иначе: любая вещь становится простой, настоящей, когда она воспринимается как что-то особенное, когда она оказывается в силовом поле эстетического расположения. Подробнее см.: Лишаев, С. А. Эстетика Другого. Самара, 2000.

сти. Вещь оказывается простой, когда прост (свободен, открыт, внутренне отрешен, чист) сам человек. Простота вещи – это та же простота, что и простота человека. Открывая простое в вещи, человек открывает простое в самом себе. (Эту онтологическую простоту не следует смешивать с «простотатостью», с простотой, которая «хуже воровства»). Являя себя простой, то есть отличной не только от другой вещи, но и от собственной чтойности, вещь открывается нам как «этость»; такая вещь уникальна, незаменима и может претендовать на собственное имя. Имена получают домашние животные. Иногда их получают и неодушевленные вещи (сегодня – реже, в прошлом – чаще).

До тех пор, пока к вещам относятся как к полезным или бесполезным, они не просты, так как включены в сложную систему человеческих отношений, потребностей, желаний, деятельностей. Утилитарно-прагматическая концептуализированная вещь «служебна», а потому вторична по отношению к человеку, она не может «обратиться» к простому в человеке. Простой она оказывается тогда, когда не отсылает к чему-то другому (к тому, кто ее воспринимает, к иным вещам), или когда вещь к нему отсылает, но целиком в этот «отсыл» не вовлекается, когда она отсылает, оставаясь в покое, служит нам, «сохраняя» (для нас) свою цельность, свою самостоятельность. Пусть красивая посуда за обеденным столом используется по прямому назначению, пусть она говорит о достатке и эстетическом вкусе хозяев, пусть она указывает на место своего изготовления и проч., и проч., при этом она сохраняет способность привлечь наше внимание сама по себе; более того, во время обеда посуда как раз и раскрывается («понастоящему» как посуда. Не буду умножать примеры, ограничившись ссылкой на японскую чайную церемонию, которая, как действие, нацеленное на достижение «простого», не исключает, а предполагает, что вовлеченные в церемонию вещи могут и должны раскрыть свою «настоящую природу»: здесь каждая вещь служит и каждая заслуживает особого внимания; участник чайной церемонии должен быть внимателен к вещам в простоте их присутствия (по этой причине вещей в чайном домике не должно быть много).

Итак, изъятие вещи из сферы ее утилитарно-прагматического функционирования не означает обособления от других вещей; напротив, освобождаясь от жесткости и однозначности утилитарно-функциональной служебности, она обнаруживает свои ассоциативно-символические связи с другими вещами. Освободившись от жесткого диктата функционального назначения, вещь открывает себя (сама!) в своих отношениях с другими вещами и как бы свободно «играет» эстетическими и смысловыми «гранями», которые она обнаруживает в событийном топосе простоты.

От сложного к простому. В ситуации, когда патриархально-организмические общности распались, а городской образ жизни привел к резкому возрастанию скорости (скорости передвижения, коммуникации, обновления информации, изменений в среде обитания, в предметах быта и т. д.) и прогрессирующей диссоциации способностей внимания, мышления и созерцания, человеческое «я» оказалось «разобраннным», фрагментированным. Однако утрата Центра, который в прежние времена давал человеку воз-

возможность обратиться в нечто цельное (в «я»), позволяя собирать жизнь в цельность судьбы, и сегодня продолжает беспокоить человека, переживается им как «контологическая травма». Фрагментированный субъект ищет (иногда осознанно, но чаще ошупью, наугад) «точки опоры», пытаясь с их помощью перейти от ситуативно-функциональных идентичностей (ситуативное эго) к самоопределению в чем-то онтологически исходном, стало быть – простом. Одним из мест сборки фрагментированного мира и фрагментированного человека оказывается «простая вещь», встреча с которой всегда событие.

Человек, погруженный в информационный поток, больше всего нуждается в покое и тишине, в сосредоточенности и молчании. Но наша цивилизация не поддерживает духовных практик, нацеленных на сосредоточение и концентрацию внимания, если они не направлены на получение конкретного (предметно-практического или теоретического) результата. Вместо этого она обращается к человеку с многочисленными технологиями привлечения и удержания внимания (центральное место в широком спектре разнообразных технологий перехвата внимания играют созданные для этих целей образы «экранных искусств», включая сюда и бурно развивающиеся Интернет-технологии). Эти технологии не решают проблемы онтологической неприкаянности современного человека, но зато помогают «на время» (на время жизни?) забыть о ней и, в свою очередь, ведут к еще большей деонтологизации и фрагментации его деформируемого «я». Влечение современного человека к природе, его любовь к старым и ремесленным изделиям, распространение сообществ, обращенных к созерцательно-медитативным практикам (ориентированным на христианскую или, все чаще, на восточную традицию), – это спонтанная реакция человека, потерявшегося в потоке вещей и знаков, который ищет «место», где он мог бы «собрать себя» в тишине и простоте Другого.

Если на последней глубине простота вещи – это Иное ей (Другое, безусловно простое), то ее обнаружение в вещах не может быть детерминировано ни человеческой волей, ни свойствами вещей, с которыми он взаимодействует. Простота (в) вещи открывается сама и открывается вдруг, внезапно; открытие простоты – онтологическое *событие*, «голос» Другого (Другого в модусе Бытия). И хотя открытие Другого, делающее вещь простой, имеет событийный характер, это не отменяет целесообразности анализа тех условий, при которых восприятие вещи в ее простоте становится и возможным, и вероятным. Поскольку вещь проста не «сама по себе», а в пространстве ее восприятия человеком, то и анализ предпосылок такой встречи распадается на анализ состояния воспринимающего вещь человека и анализ предрасполагающих к такой встрече предметов.

Условия восприятия простого: человек внимает вещи. На стороне человека предпосылкой восприятия вещей в их «простоте» будет освобождение (в той или иной мере) его сознания от страстей и желаний, от «насушенных» целей и задач, которые «сужают» возможное поле восприятия, фокусируя внимание на «предметах желаний». До тех пор, пока сознание человека «загружено» вполне определенными и требующими своей скорейшей реализации практическими задачами, шансов на то, что он обратит

внимание на вещь саму по себе (на самобытность вещи) немного⁶. «Человек желающий» в первую очередь воспринимает вещи, имеющие прямое или косвенное отношение к предмету озабоченности, то есть откликается на присутствие вещей, удовлетворяющих его желание (нужду, потребность) или способных быть средством его удовлетворения. То, что должно быть потреблено, не воспринимается в простоте собственного присутствия, оно изначально соотносено с моим желанием как «полезное» или «вредное» в горизонте возможности его исполнения. Мы потому так редко прорываемся к вещам (к вещам воспринимаемым как самостоятельно сущие вещи), что сами к ним не относимся прямо: мы почти всегда чего-то от них хотим, мы чувствуем, что и сами должны многое многим. Отсюда тревога, страх (как бы не опоздать, не пропустить, не упустить, не обидеть). Недеянию, внутренней тишине и спокойствию может препятствовать вовлеченность не только в практическую, но и в теоретико-познавательную деятельность. Когда человек занят размышлениями над сложной научной (инженерно-технической) проблемой, он отвлекается от окружающих его вещей (да и людей), а если они все же привлекают его внимание, то только в утилитарном отношении или как метафоры, способные подтолкнуть научно (или технически) озабоченную мысль.

Если современному человеку что-то по-настоящему трудно, так это «недеяние», отрешенность. Освобождаясь от насущных забот (работа, семья, дом, дача...) и «переключаясь» на отдых, человек делает все от него зависящее, чтобы не остаться наедине с самим собой и с миром, чтобы избежать трудной простоты неангажированного сознания. Выходной день, отпуск, свободный вечер – предмет для беспокойства, время, которое надо чем-то заполнить. Нет сомнения, что избегание пустого, «неорганизованного» времени нельзя назвать отличительной особенностью поведения современного человека (о таком избегании мы можем прочесть уже в «Мыслях» Паскаля), но сегодня мы настолько привыкли к вовлеченности в сложные соотношения вещей с вещами, вещей с людьми, что недеяние, открывающее путь к восприятию вещи не через «деятельность», а через созерцание, кажется нам «труднее»⁷, чем когда бы то ни было. Высокотехнологическое производство соблазнов, хорошо отлаженная индустрия развлечений, всегда находящиеся под рукой скромные «радости экрана» (от компьютерных игр до порнографических сайтов) воздвигают труднопреодолимые преграды перед тем, кто, «отойдя от дел», попытается отойти также и от навязываемых

⁶ Значит ли это, что без подготовки простое не может быть дано нам? Нет, это не так. Встреча с простым в вещи и в себе самом – не от нас, а от Другого. Но шансы встретить простое в вещах возрастают, если мы делаем шаг навстречу простому.

⁷ Весь год человек работает, его волнуют насущные, жизненные вопросы. Но вот приходит отпуск и появляется время не «дело делать», а созерцать. Однако «хорошо организованный» отпуск не оставляет пространства для созерцания. Что значит хорошо провести отпуск сегодня? Это значит быть занятым. Хороший отдых предполагает, что тебе будет предложен широкий «спектр услуг», что инфраструктура курорта обеспечит постоянную загрузку отдыхающего развлечениями («анимация» в отеле, экскурсии вне отеля, аквапарки, сувенирные лавки, музеи, магазины, ночные клубы, etc).

ему развлечений. (Современное общество с полным правом можно назвать развлекающим и развлекающимся обществом). Недеяние, состояние внутреннего покоя, созерцательный настрой дают вещи возможность «заговорить» с человеком, открыть себя человеку. Ничем не озабоченный, праздничный, празднично-празднично (но не развлекаемый) человек открыт тому, что он встречается в окружающем его мире. Когда его останавливает какая-то вещь, то невозможно сказать, кто кого останавливает: вещь обращает на себя внимание человека или человек обращает внимание на вещь?

Но вещь получает возможность заявить о себе, остановить на себе наше внимание не только тогда, когда мы «ничего не делаем» (на досуге), но также и тогда, когда человек чем-то занят, делает что-то определенное, оставаясь при этом внутренне свободным от выполняемой им деятельности. Такая отрешенность, свобода от «деяния» возможна, если то, чем занят человек, хорошо знакомо по прежнему опыту и не связано со значительным физическим напряжением. Иначе говоря, речь идет об автоматической выполняемой работе, не предполагающей активной коммуникации с другими людьми и не вызывающей у того, кто ее исполняет, негативной реакции. Это может быть работа почтальона, который разносит почту, работа в саду, в огороде, работа дворника, подметающего улицу, труд домохозяйки, протирающей пыль, стряпающей обед, etc. Такого рода деятельность вполне совместима с недеянием, внутренним спокойствием и открытостью к окружающему миру. Человек нечто делает и в то же время внутренне свободен от того, что делает, потому что не вовлечен в делаемое целиком, не озабочен им, не беспокоится об исходе дела. Можно утверждать, что такого рода деятельность может даже служить методом культивирования внутренней отрешенности: минимальное, ровное внимание человека к тому, что он делает, освобождает его (помогает освободить) от «посторонних» мыслей, от беспокойства и тревоги; умеренная физическая нагрузка действует в том же направлении: она способствует освобождению души от случайных мыслей, представлений, воспоминаний... Такой деятельно-бездеятельный человек находится в расположении, открывающем душу тому, что видят его глаза, что различает его слух, с чем встречается его обоняние и осязание.

Следует также обратить внимание на особого рода деятельность, непосредственно нацеленную на отстранение от потока повседневных дел. Речь идет о так называемом эстетическом действии. Когда процесс деятельности оказывается важнее, чем результат, это свидетельствует о том, что человек делает нечто ради того, что происходит в самом процессе деятельности. Мы знаем, что освободиться от преследующих нас забот, тревог, опасений очень непросто. К состоянию внутренней тишины и покоя легче прийти, выполняя такую деятельность, формальная цель которой и вся последовательность сопряженных с ее реализацией действий служит средством самособирания человека. Мы говорим о таких практиках, как рыбалка, охота, уход за садом, за цветами и деревьями, баня (в форме банного ритуала), чайная церемония, etc... Действия, внешний результат которых не имеет значения (или имеет второстепенное значение), – это как раз те действия,

которые освобождают человека от озабоченности и открывают простор для актуализации того, в чем присутствует то, что присутствует⁸.

Условия восприятия простого на стороне вещей. Спросим теперь о том, какие вещи способствуют тому, чтобы их восприняли прямо, просто. Простой вещью может стать любая вещь, но некоторые из вещей предрасполагают к восприятию простого больше других. Таковы, например, старые, старинные вещи, таковы вещи природы и предметы искусства, таковы вещи привычные, односложные. Вещь, которая – в акте нашего восприятия – оказалась извлеченной из служебно-функциональных, генетических, теоретико-познавательных, социально-стратифицирующих и иных контекстов, вещь, которая не отсылает нас по желобу вопросов «зачем?», «почему?», «как?», «для чего?», – проста. Простая вещь вступает в «бескорыстные» смысловые отношения с другими вещами, с миром, она, оставаясь собой, «играет», «переливается» спонтанно возникающими в воспринимающем сознании качествами и связями. Иначе говоря, вещь проста, когда ее созерцают (когда она превращается в эстетическую вещь⁹).

Все природные вещи онтически просты, самостоятельны, прямо стоят перед нами благодаря тому, что существуют независимо от человека. Просты камень и синеца, скала и раковина. Природные вещи настраивают на созерцание, на то, чтобы смотреть на них прямо, без задней мысли (без оценки в прицеле прагматически значимых целей). Они разворачивают нас лицом к своему «естю». Вещи природы настраивают на созерцательный лад, на внимание к самому ее присутствию, потому-то они онтически свидетельствуют о настоящем, в них есть подлинность, которая, коль скоро она воспринята и переживается нами в акте созерцания природной вещи, создает предпосылки для встречи с тем, что безусловно просто.

К опыту простого предрасполагают и старые вещи (в том числе и те, которые продолжают использоваться по своему прямому назначению). Они всегда выходят «из ряда», привлекают к себе внимание. Они провоцируют человека к тому, чтобы сосредоточить внимание на их присутствии, смотреть на них просто. Исторические, биографические, культурные образы и смыслы, которые могут возникнуть в акте созерцания старой (и старинной) вещи, не мешают переживанию ее простоты как того, что отлично от ее «чтойности». Ведь вещь, воспринятая во временном модусе, – воспринята в аспекте ее существования. Наше внимание смещается (если, конечно, смещается: старость вещи лишь провоцирует смещение) с «что» вещи на ее «естю», на то, как давно она есть. А что может быть проще присутствия? «Есть» отлично от вещи, которая сложна, сложена так-то и так-то. Сложная вещь определенным образом соотносена с другими вещами, с челове-

⁸ Подробнее см.: Лишаев, С. А. Эстетика Другого: эстетическое расположение и деятельность. Самара, 2003. С. 41–91.

⁹ Жан Бодрийяр справедливо указывал на то, что старинные вещи позволяют «бежать от повседневности» так же, как и произведение искусства, но они в отличие от последних не нуждаются в «рациональном прочтении», такие вещи характеризуются, по Бодрийяру, «мифическим коэффициентом подлинности» (Бодрийяр, Ж. Система вещей. М., 2001. С. 90).

ком, с многообразием его желаний, привычек и предрассудков. Старая вещь выведена своей старостью из области настоящего, она демонстрирует (самим своим обликом) положение «вне игры» даже тогда, когда находится «в игре» (используется по назначению). Пусть старую вещь продолжают использовать по ее прямому назначению (старинная вещь, в отличие от старой, из употребления полностью выведена), она предрасполагает нас к тому, чтобы мы обратили свое внимание на ее «есть», она входит в наше восприятие через свою принадлежность к «иным временам». Во встрече со старой вещью важно не только то, что она *такое*, но и то, что она – *есть* (в модусе «давно уже есть»). Привхождение в ее восприятие простого «есть» делает простыми (цельными, завершенными в себе) и вещь, и воспринимающего ее человека.

При этом важно проводить различие между старой и ветхой вещью. Ветхая вещь (вещь, обладающая внешними признаками ветхости) еще в большей мере, чем вещь старая, настраивает нас на встречу простого. Ветхая вещь делает его внятными. Вещь, воспринятая как ветхая, воспринята в ее предельной отчужденности от всего сущего (включая и нас самих как сущих), она как бы выведена «за скобки», отделена от других вещей во всех отношениях, кроме одного: она еще присутствует в мире. Если то, что воспринято как старое (тем более – старинное), *частично* выводит вещь из настоящего в свершившееся прошлое, то вещь, воспринятая как ветхая, полностью вынесена за границы временной размеченности сущего на прошлое, настоящее и будущее. Ее «что» отступило перед простотой «бытия на грани», перед простотой «есть». В восприятии вещи в модусе ветхости простое в ней (ее присутствие) выходит на первый план, вещь (какой бы сложной она ни была по своему строению и по взаимодействию с другими вещами) становится простой в тот момент, когда она балансирует на грани бытия и небытия. Но в восприятии вещи в модусе ветхости в фокусе нашего внимания оказывается уже не вещь, а сама простота (Другое). Вещь (в качестве ветхой) отступает, давая место Другому (Простому). Ветхая вещь веществу, ее определенность сведена к простейшему, к тому, что она «еще здесь, еще есть»; ее онтическая простота располагает к переживанию метафизической простоты Другого (чистого Времени); простота-пустота (Другое, Время) здесь явлена вещью, явлена в вещи.

Подведем некоторые итоги. Говоря о простых вещах, следует разделять онтически простое и простое онтологически. *Онтически простыми* вещи оказываются тогда, когда они «обращаются к нам» напрямую, минуя посредство образных и смысловых клише, заготовленных для них языком, культурой и нашим прежним опытом взаимодействия с ними. Среди вещей есть такие, которые предрасполагают человека к тому, чтобы отнестись к ним прямо, без посредников. Онтически простым (свободным, неподвзятым, открытым) может быть и настроение, в котором человек оказывается случайно или в которое он вошел через усилие самососредоточения.

Онтологически простой вещь оказывается внезапно, вдруг, в момент, когда в ней начинает «светиться» Другое, безусловное особенное, то, что мы по праву можем назвать тайной. Невербализуемое Другое, соединенное с той или иной вещью, осеняет вещь высшей простотой и как бы собирает

в вещь полноту мира. Онтологически простая вещь «несет в себе» мир. Откровение Другого (в вещах) *ситуативно* и *событийно*. Это то, что с нами случается. Простота – событийна.

Что же может человек в плане подготовки к встрече с вещью? Многое. В его власти разные методы приведения себя в то свободное, созерцательное настроение, в котором Другое может окликнуть его вещью (некоторые из таких методов были обозначены выше). В его власти движение навстречу тем вещам, которые – со своей стороны – способны пробиться к нашей душе, к вещам, которые побуждают человека отнестись к ним просто и прямо. Способны ли мы прорваться к самим вещам через отражения отражений, готовы ли мы к тому, чтобы дать слово вещи и быть послушными тому, что больше всякой вещи, к тайне и простоте Другого (Иного)? Ответ на этот вопрос может быть получен только на практике, только в неустанных попытках выстроить отношения с вещами как с собеседниками, имеющими такое же «право голоса», как и мы сами. С тем, правда, существенным отличием, что вещь может сказать что-то о себе, о мире и о Другом только через нас, через наш опыт встречи с вещью.